

К. А. ПИСАРЕНКО

Ломоносов против Шумахера

Столкновение мнимых врагов

Когда речь заходит о Михаиле Васильевиче Ломоносове и его работе в Петербургской академии наук, мы обязательно вспоминаем о главном его недруге — руководителе академической канцелярии Иване Даниловиче Шумахере. Бывший в молодости личным библиотекарем Петра Великого, этот предприимчивый иноземец с момента образования Российской академии наук возглавил Библиотеку, Кунсткамеру и хозяйственную часть научного учреждения, а на правах ее секретаря и помощника первого президента Лаврентия Блюментроста де-факто распоряжался всем в ней.

«Властолюбивый, равнодушный к науке, он ссорил между собой ученых, выживал неудобных, не считаясь с их научными заслугами и государственными интересами». Так характеризуют Шумахера биографы Ломоносова, который и сам в «Краткой истории академической канцелярии» утверждал, что Шумахер «всячески старался препятствовать, чтобы не вошли в знатность ученые, а особливо природные россияне».

Однако резонно задаться вопросом: как же при подобном зажиме умудрился выбиться в люди обыкновенный поморский крестьянин, пришедший в Москву за знаниями с рыбным обозом? Ведь он в январе 1736 года приехал в Петербург в числе двенадцати воспитанников Заиконоспасской школы, чтобы стать простым студентом столичной Академии. Ни влиятельных знакомых, ни больших денег наш безвестный в ту пору герой не имел. Тем не менее спустя всего лишь два месяца в престижную заграничную командировку, в Марбург, руководство Академии, т. е. в первую очередь Шумахер, решает отправить наряду с двумя другими кандидатами именно Ломоносова.

Вместо того чтобы послать в Германию исключительно отпрысков иностранцев, Иван Данилович рекомендует Корфу и императорскому Кабинету министров две вакансии из трех отдать русским юношам¹ — Ломоносову и Виноградову. Шумахер словно предвидел будущее. Один из его выдвиженцев придумает технологию изготов-

ления русского фарфора, второй рассчитает программу развития мировой науки на несколько столетий вперед, отличится на ниве поэзии, драматургии, педагогики и мозаичного искусства.

Но и это не все. Когда в июне 1741 года после череды скандалов и длительных скитаний по Европе Ломоносов вернется в Петербург, глава академической канцелярии вновь поведет себя нелогично: не отчислит смутьяна и гуляку² из Академии и даже не разжалует в простые канцеляристы или переводчики. Напротив, Шумахер примется активно способствовать присвоению беспокойному студенту первого ученого звания — адъюнкта.

Он будет торопить академиков с рассмотрением специменов (диссертаций) Ломоносова, выделит Михайле трехкомнатную квартиру, снабдит деньгами, найдет для него толкового научного руководителя — профессора Аммана, собственного зятя, опубликует в приложениях к «Санкт-Петербургским ведомостям» стихотворные произведения³ молодого человека и несколько научных статей, переведенных им с немецкого на русский язык.

В итоге, 8 января 1742 года Ломоносов стал адъюнктом физического класса с жалованьем в 360 рублей и в мае того же года впервые присутствовал на заседании Конференции, или Академического собрания, — высшего научного органа Петербургской Академии наук. Далее при поддержке главы Канцелярии ему предстояло получить профессорский ранг.

Однако челобитная⁴, поданная на высочайшее имя подчиненными Шумахера, спутала все планы. 7 октября 1742 года Ивану Даниловичу объявили домашний арест, и в Академии воцарилась назначенная императрицей Елизаветой Петровной. Следственная комиссия в составе адмирала Головина, генерала Игнатьева и сенатора Юсупова. Сановники сразу же перепоручили власть над учреждением предводителям тех, кто пожаловался государыне, — петровскому токарю Андрею Константиновичу Нартову и профессору астрономии Жозефу Николя Делилю.

Впрочем, большинство академиков, как и приказных служителей, восприняли смену начальства с настороженностью. Ломоносов же практически без колебаний примкнул к взбунтовавшемуся меньшинству, став глазами и ушами Нартова и Делиля в Академическом собрании, ибо те собрания членов Конференции не посещали: первый — за неимением ученого звания, второй — по причине давнего и серьезного конфликта с коллегами. В результате молодому адъюнкту выпало играть роль комиссара, надзирающего⁵ и за учеными, и за академическим архивом.

Похоже, новый статус вскружил голову Ломоносову. Он не постеснялся обращаться с подопечными грубо, в зависимости от настроения оскорблять или унижать почтенных профессоров-иностранцев. Посему нет ничего удивительного в ответном неприязненном

отношении к забияке-адъюнкту членов Конференции, терпение которых иссякло 26 апреля 1743 года.

В тот день Ломоносов, хорошенько выпив, пришел в здание Академии наук и, увидев в одной из комнат профессора и конференц-секретаря Христиана Винсгейма, показал ему кукиш. К досаде озорника профессор, увлеченный разбором бумаг, оскорбительного жеста не заметил, тогда Михайло начал упрекать конференц-секретаря — неформального лидера академического собрания — в злоупотреблении своими правами. Винсгейм обвинения отверг, и Ломоносов, утратив контроль над собой, обрушился с бранью и руганью на всех академиков, запретивших ему участвовать в заседаниях Конференции, фактически устроивших бойкот неугомонному адъюнкту⁶.

27 апреля академики, возмущенные этой выходкой, попросили Следственную комиссию оградить их от подобных нападений. Комиссия отреагировала через месяц. Хулигана посадили под стражу, где узник протомился более полугода. На свободу он вышел в январе 1744 года при загадочных обстоятельствах.

Чуть ли не весь профессорский корпус и три высокопоставленных следователя настаивали на строгом наказании Ломоносова, которому грозило как минимум изгнание из Академии. Тем не менее Сенат, решавший судьбу адъюнкта 12 января 1744 года, мнением ученых и трех вельмож пренебрег и предпочел амнистировать преступника. Как иначе расценивать кару, состоявшую лишь из штрафа в виде временного вычета из жалованья половины суммы да публичной церемонии покаяния?!

Понятно, что кто-то очень влиятельный замолвил слово за молодого повесу. Но кто именно, было неясно. Предположение, что Ломоносова спасла императрица или камергер Михаил Илларионович Воронцов, звучит неубедительно. Во-первых, потому, что в протоколах Сената непременно фиксировалось любое вмешательство царицы и указывалось, кто и когда уведомил сенаторов об августейшей воле. В случае с Ломоносовым такое примечание отсутствует. Во-вторых, историками не сформулирован четкий и конкретный мотив, который мог бы реально, а не гипотетически побудить Елизавету Петровну или Воронцова проигнорировать позицию стольких уважаемых особ. Умозрительное допущение того, что в 1743 и 1744 годах при дворе поэтическим слогом Ломоносова дорожили больше, чем чьим-либо иным, и оттого пожелали пойти наперекор суждению ученого сообщества и официальной комиссии, представляется натянутым. Да и свидетельствами современников, подтверждающих широкую популярность в ту пору среди придворных поэзии Ломоносова, историки не располагают.

Зато у нас есть лаконичное обоснование из сенатского вердикта, проливающее некоторый свет на личность человека, застывшего

гося за гения. «Для его доволнаго обучения от наказания освободить», — написано в документе.

Стало быть, за Ломоносова ходатайствовала персона, хорошо знавшая о его успешной учебе в Германии, знакомая с откликами профессоров Вольфа и Генкеля, с диссертациями, присланными оттуда в Петербург. Значит, искать спасителя холмогорского самородка нужно не в царской резиденции, не в Зимнем дворце, а непосредственно в Академии наук, т. е. в коллективе, единодушно отказавшемся трудиться с ним в одних стенах. Не парадокс ли?!

Отнюдь, если вспомнить о единственном лице, служившем в Академии, обладавшем солидным авторитетом и при этом не участвовавшем в ссоре академиков с Ломоносовым, — об Иване Даниловиче Шумахере. Два с половиной месяца он просидел под домашним арестом. Затем еще около года ждал окончания разбирательств, будучи отстраненным от должности. Наконец, 5 декабря 1743 года чиновник возвратился на прежний пост полностью реабилитированным. А спустя месяц сенаторы одобрили мягкий вариант наказания Ломоносова.

Совпадение любопытное и, судя по всему, не случайное, учитывая положение Шумахера в те дни — уважаемого администратора, невинно пострадавшего от клеветников, в том числе и от Ломоносова. Только ему было по силам переломить общий негативный настрой против непутевого адъюнкта и уговорить членов Сената не губить одаренного ученого. Следовательно, только его мы вправе благодарить за спасение Ломоносова для русской науки. В этой связи резонен вопрос: чего добивался Шумахер, заступаясь за арестанта? Думаю, он преследовал все ту же цель, что и прежде, когда отправлял архангельского мужика учиться за границу, а позднее содействовал производству в адъюнкты. Шумахер, исполняя завет Петра Великого, заботился о появлении в Петербургской академии наук первого настоящего русского профессора — профессора по призванию, а не для галочки. Почти десять лет Иван Данилович всматривался в молодежь, приходившую в Академию учиться, и долгое время не находил достойной кандидатуры. И вдруг зимой 1736 года нужный человек нашелся. Правда, нрав у перспективного юноши оказался на редкость скверным, взбалмошным и драчливым. Зато и тяга к знаниям и исследованиям была столь же уникальна. Шумахеру пришлось выбирать между ужасным характером и удивительным талантом кандидата в первые русские академики. И он рискнул сделать ставку на талант. Советник взял под опеку одаренного холмогорца и девять лет, невзирая на склоки, стычки и скандалы, упорно вел «фаворита» к финальной черте, чтобы летом 1745 года наконец-то достичь главной цели.

22 июня 1745 года академическая Конференция согласилась с тем, что Ломоносов по праву претендует на профессорский чин.

25 июля императрица подписала соответствующий указ, а 30 июля того же года Михаил Васильевич в церкви перед священником присягнул в новом звании на верность царице. Причем и на этом, заключительном, этапе без помощи Ивана Даниловича не обошлось, ведь коллеги адъюнкта под разными предложениями полтора месяца уклонялись от принятия исторического решения и явно хотели забаллотировать соискателя. Вполне возможно, что они сумели бы предотвратить торжество Ломоносова, но опытный администратор разгадал маневр академиков, успел убедить профессора Иоганна Гмелина пожертвовать кафедру химии Михайле и тем самым лишил ученых оснований для вежливого отказа*⁷.

Таким образом, Шумахер превратил самоучку с Белого моря в профессионального ученого, после чего примерно в течение пяти лет между ними поддерживались вполне хорошие отношения. Разумеется, размолвки имели место, что и неудивительно, если вспомнить, какой пост занимал Шумахер — «завхоза» Академии наук. Впрочем, размолвки эти быстро преодолевались, и сотрудничество обоих вновь возвращалось к прежнему, основанному на взаимном уважении порядку. Особенно плодотворными они оказались в 1748 году. Зимой глава академической канцелярии познакомил молодого академика заочно, через переписку, с выдающимся немецким математиком Леонардом Эйлером, ранее работавшим в Петербурге; весной привлек к изданию «Санкт-Петербургских ведомостей», назначив выпускающим редактором; летом-осенью профинансировал строительство химической лаборатории во дворе дома профессора на Васильевском острове.

Разлад наступил примерно в 1750 году, в период сближения Михаила Васильевича с камер-юнкером Иваном Ивановичем Шуваловым, новым любимцем императрицы Елизаветы Петровны. Однако не Шувалов стоял у истоков роковой ссоры Шумахера с Ломоносовым. Дружба с камер-юнкером существенно облегчила академику переход Рубикона, вернее, смену одного влиятельного патрона на другого. А лютую ненависть к главе академической канцелярии породила иная встреча — с Григорием Николаевичем Тепловым, который однажды, беседуя тет-а-тет, предупредил старого приятеля о коварстве Шумахера, втайне старающегося навредить первому русскому профессору, и напомнил другу об отправке в 1747 году двух статей Ломоносова в Берлин на отзыв Эйлеру. Цель запроса Теплов объяснил так: Шумахер надеялся, что немец статьи раскритикует, и тогда он сможет без проблем Михайлу «от профес-

* Подробнее о взаимоотношениях М. В. Ломоносова с И. Д. Шумахером в период с 1736 г. по 1745 г. см.: Писаренко К. А. Повседневная жизнь русского двора в царствование императрицы Елизаветы Петровны. М. 2003. С. 294–342.

сорства отлучить», а кафедру химии с лабораторией отдать более покладистому заезжему иностранцу, доктору Бургааву из Голландии*.

Михайло Васильевич поверил откровениям Теплова, подвоха не почувствовал и позднее не раз цитировал их и ссылаясь на них**. Ну а далее сыграла свою роль взрывная, неуживчивая и бескомпромиссная натура академика, сделав разрыв Ломоносова с Шумахером неизбежным.

Между тем Григорий Николаевич безбожно солгал и воспользовался воинственно-бешеным характером Ломоносова, чтобы натравить его на Шумахера. Зачем? Скорее всего, из ревности.

Немногие, вероятно, знают, что в августе 1741 года звание адъюнкта стремились получить два студента, а не один. Михаил Васильевич Ломоносов и Григорий Николаевич Теплов — оба ровесники⁸ (год рождения 1711-й) — подавали диссертации на суд членов Конференции вместе, сообща готовились и защищали свои specimen перед академиками. И первому, и второму Шумахер помог быстрее обзавестись младшим ученым рангом. Теплов обрел его раньше — 3 января 1742 года, Ломоносов дожидался чина адъюнкта на пять дней дольше.

А вот затем пути-дорожки друзей разошлись. Михайло под руководством Шумахера решил бороться за профессорское звание. Григорий попробовал устроить карьеру при дворе. Теплову изрядно повезло. Он попался на глаза и понравился Елизавете и фавориту царицы Алексею Разумовскому, которые до того прониклись симпатией к нему, что не побоялись назначить наставником к младшему брату царского любимца — Кириллу. С марта 1743 по июнь 1745 года пятнадцатилетний отрок и тридцатилетний адъюнкт совершили приятное и полезное путешествие по Германии и Франции, потом вернулись на родину, где Григорию Николаевичу довелось пережить сильное разочарование.

* Историю с посылкой в июле 1747 г. статей Ломоносова на отзыв Л. Эйлеру подробно разобрал В. Л. Ченакал в 1951–1958 годах. Опубликованные им документы позволяют сделать вывод, что руководство Академии — К. Г. Разумовский, И. Д. Шумахер и Г. Н. Теплов — обратилось к Эйлеру вынужденно. Прежде чем напечатать труды Ломоносова, а также Г. В. Рихмана в очередном томе «Комментариев», их надлежало отрецензировать у кого-либо из специалистов, которых в Петербурге не нашлось. «О сем деле из здешних профессоров ни один основательно рассудить довольно не в состоянии», — признавал один из пунктов распоряжения академической канцелярии, почему и понадобилась помощь Эйлера, Бернулли и иных иностранных ученых (Ломоносов. Сб. статей и Материалов. Т. 3. М.; Л. 1951. С. 253–254, 258–259; Леонард Эйлер. Сб. статей и материалов. М. 1958. С. 428–429, 431).

** См. письмо М. В. Ломоносова к Г. Н. Теплову от 30 января 1762 г. и «Краткую историю академической канцелярии».

Пока педагог с воспитанником вояжировали по Европе, товарищ первого по академии — Ломоносов — при поддержке Шумахера получил звание профессора химии. Более двух лет, проведенных Тепловым подле Кирилла Разумовского, никаких ощутимых выгод не принесли. Мало того, компаньон юного брата царского фаворита в России оказался не у дел и до конца 1745 года изнывал со скуки в апартаментах Зимнего дворца, болтая и играя в карты на полтину или рубль с ливрейными слугами Разумовских и царицы. Правда, канцлер Бестужев-Рюмин сжалился над толковым молодым человеком и 20 декабря предложил императрице послать бывшего студента в Дрезден секретарем посольства. Но та велела Теплову возвратиться в Академию с «прежним чином адъютанта» и жалованьем в 360 рублей годовых вместо 600 рублей, которые выдавались ему в годы пребывания за границей*.

Высочайшая резолюция еще более ударила по самолюбию Григория Николаевича. Видя, как успешно продвигался Ломоносов по карьерной лестнице, он, несомненно, спрашивал себя, почему Шумахер настойчиво опекает Михаила — грубого мужика с импульсивным, неуравновешенным характером, а не его, вполне респектабельного и не менее талантливого человека⁹. Так незаметно пробудилась ревность, которая постепенно и подтолкнула адъютанта, в июле 1746 года ставшего ассессором, к попыткам убедить Шумахера в ошибочности сделанного им выбора. Шло время. Советник отдавал должное предупредительности и помощи Григория Николаевича, однако отношение к Ломоносову не менял. Понял или нет Теплов, что администратор в первую очередь руководствовался не личными симпатиями, а государственными интересами, неизвестно. Только в какой-то момент мастер тонкой интриги взял на вооружение другую тактику: раз Шумахер отвернуться от Ломоносова не хочет, то стоит попробовать оторвать Ломоносова от Шумахера.

Григорий Николаевич прекрасно был осведомлен о слабых и сильных сторонах необузданного нрава Михаила Васильевича и без труда подобрал к нему ключик. Напомнив как-то старому приятелю историю с отосланными к Эйлеру на рецензию статьями, Теплов прокомментировал ее в нужном ракурсе, т. е. намекнул Ломоносову об «истинной причине» обращения в Берлин — возникшем у Шумахера желании избавиться от нового профессора химии. Предугадать реакцию Ломоносова, который никому и никогда не прощал стремления отстранить его от Академии, ассессор мог легко. Он, естественно, слышал о ссоре Михаила в Германии с профессором Генкелем, якобы пригрозившим сослать ленивого студента в солдаты. Замечал едва сдерживаемую неприязнь, которую Ломо-

* РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1174. Л. 78, 82 об.; АВПРИ. Ф. 2. Оп. 2/6. Д. 814. Л. 381, 392 об.-393.

носов питал к профессору Миллеру, возглавившему сопротивление академиков весной 1743 года против нахального адъюнкта. Похоже, сыграть на этой психологической струнке, весьма чувствительной для выходца из крестьянского сословия, наперсник графов Разумовских и не преминул, добившись в итоге успеха.

Ломоносов, поддавшись на провокацию, возненавидел того, кто, не выпячивая собственных заслуг, вывел его в люди и гарантировал полное раскрытие его незаурядных способностей. Возненавидел и, опираясь на поддержку Шуваловых, объявил Шумахеру и окружавшим советника «немцам», «врагам русской науки», настоящую войну. Так что Шумахеру поневоле пришлось объединяться с Тепловым¹⁰, который и снабдил главу Канцелярии надежным щитом от энергичных атак Ломоносова, непримиримо боровшегося с немецким засильем в Академии. Заступником Ивана Даниловича перед императрицей стало влиятельное семейство Разумовских, отчего война внутри российской Академии приняла затяжной характер, бушевала более десяти лет и фактически превратилась в изматывающую позиционную войну без каких-либо шансов на быструю и окончательную победу одной из сторон. Лишь смерть главных оппонентов положила конец бессмысленной распре. Первым 2 июля 1761 года умер Иоганн Даниэль Шумахер; вторым 4 апреля 1765 года — Михайло Васильевич Ломоносов. Ожесточенное сражение немцев с русскими сразу же затихло, и в Академии наступили другие времена. Вольный или невольный инициатор междоусобицы — Григорий Николаевич Теплов — пережил и учителя, и конкурента. Он скончался уже в эпоху Потемкина и Екатерины, 30 марта 1779 года.

